

Андрей Сенов

Ощущение близкого праздника

Андрей Сенов

Ощущение
близкого праздника

Санкт-Петербург
2025

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)5
С31

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-00256-037-0

© А. Сенов, 2025

НЕИЗБЕЖНОЕ

Военная осень

Осенью такое чувство,
что катастрофой пропитан воздух.
В нашем предполье пусто
И враг выходит на ближний подступ.

Но морды ещё кирпичом,
по утрам бравурные сводки.
Днём кажется, всё нипочём,
а вечером сядешь на кухне, накатишь водки...

Потом ещё и, черпнув со дна
там, где погуще снизу,
вдруг обнаружишь внутри окна
ледяную линзу.

А в ней отчётливо, как в очках,
видно, что на канале
тащут кого-то в свёртке на саночках.
Не меня ли?

Прогулка

Лесная жуть в ночи беззвёздной.

Иссяк запал.

И повернуть обратно поздно.

И ты пропал.

Дороги нет за палкой-ёлкой,

И наугад

Ты топчешь снег, хоть он нисколько

Не виноват.

На каждый шаг все минус тридцать

Визжат во мглу.

Тебе никак не возвратиться

К тому столу.

Где чашек две, где белый чайник

Вскипел как раз.

Где ясен свет необычайно

Красивых глаз.

И где теперь твой визг не слышен,

Ведь ты как пар:

Во тьму за дверь, вскипая, вышел

И там пропал.

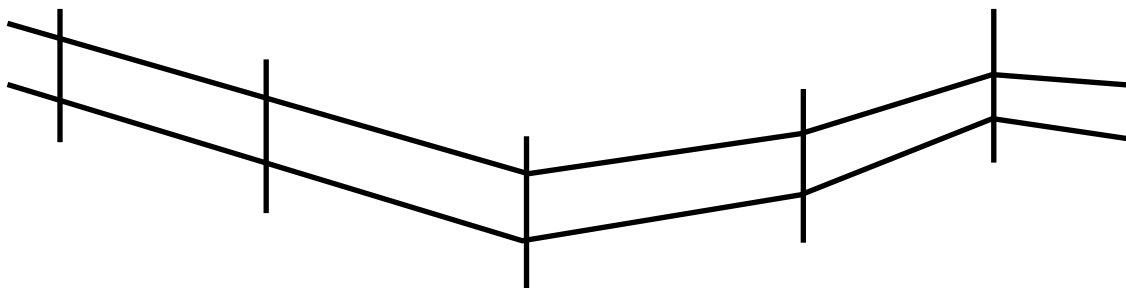
Боголюбово

Булавкой купола пришпиленный Покров
Над самой Нерлюю
Венчает благорастворенье воздухо'в.
И параллельно

Мосту и небу пробежавшая строка
Ж. д. состава
Двустопным ямбом грохотать ещё пока
Не перестала.

Но сладко дремлет синегрудый монастырь
И белый терем,
Где был погибший Боголюбский князь простым,
Как я, Андреем.

И если пристально глядеть на образа,
Где всё заснято,
Сползает в небо обронённая слеза
Аэростата.

Бирштонас

В ежевичных кустах над Неманом
Мы лежали с тобой вдвоём,
Где с холма в повороте медленном
Открывается водоём.

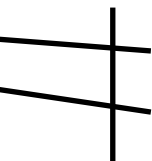
Берега выезжали чёлнами
Поперёк реки, и в одном
Плыли мы от загара чёрные
Как две ягоды под кустом.

Невеликим делились опытом,
Привирали порой слегка,
Отдавались течению, что бы там
Ни готовила нам река.

А она нас кидала в стороны,
Будто споря с собой сама.
И мы тоже тогда поспорили,
На закате идя с холма.

А где Неман теперь, где я, где ты?
Не собрать нас, увы и ах!
Рядом с нами другие ягоды
В совершенно других кустах.

Но, чем дальше, тем всё яснее нам,
Что навечно остались две
Ежевика в кустах над Неманом
В невозможной теперь Литве.

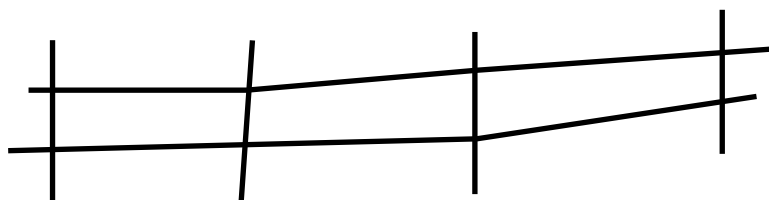
Аритмия

Со мною соседствует множество девушек с ножками
На тоненьких шпильках, и в нашем колодце с утра
Их цокот дроблёный взрывается ритмами сложными,
Синкопою в сердце втыкая мне лишний удар.
Мы все под ударом, никто не сбежит и не скроется.
И даже в глубинах подземных неровно стучит
Могучее сердце в широкой груди метростроевца
И глохнет в туннеле, и клинит проходческий щит.

Оранжевый фонарик

Прорвало во дворе у нас трубу.
Сварились в глубине кипящей ямы
Кусок забора, клумба, самокат,
И дом наш двадцатипятиэтажный
Над пропастью беспомощно повис.
А мы смотрели вниз на аварийку,
Покуда не остался от неё
В тумане лишь оранжевый фонарик,
Мигающий о бренности людской.

Потом всё это спрятали в асфальт,
И выросли поверх забор и клумба.
Большими стали дети и живот.
Но каждый Новый Год, когда грохочет
Салют на двадцать пятом этаже,
То видно сквозь расцвеченные окна
Уже довольно близкий грузовик,
Что медленно везёт неотвратимый
Мигающий оранжевый фонарь.

Прощание

Свет зелёный загорелся,
Ты сказала мне: «Прости!»
И тогда я лёг на рельсы,
Зачеркнув собой пути.

Стали сразу рельсы слева
Рельсам справа не равны.
Ведь вагон, куда ты села,
Едет с правой стороны.

И уже подъехал близко,
В днище виден каждый гвоздь.
Вспыхнет жизнь трамвайной искрой
И пробьёт меня насквозь.

А ножи колёсной пары
Там порежут, где ты мне
«Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы»
Рисовала на спине.

Мышиный король

Деревенелый как Щелкунчик
В сосновом ящике лежишь,
Не можешь двинуть ножек-ручек.
И тут к тебе приходитмышь.

На голове её корона,
Таких голов у мыши три.
Она в гробу твоём как дома
Повсюду шастает внутри.

И лезет, нет, не целоваться,
Пока ты ждешь, холодный весь,
Как все резцов её двенадцать
Хотят лицо тебе отъесть.

И писк ее загробный страшен,
И взгляд её невидим злой.
И что кричишь ты: «Маша, Маша!»,
Никто не слышит под землёй.

Сорока-ворона кашу варила...

А мы всё ждали пищу нашу,
Мы всё надеялись, а тут
В ладошке сваренную кашу
Кому попало раздают.

Кто не носил воды с колодца,
Кто дров ни разу не рубил,
Тому вся каша достаётся.
А нам уже не хватит сил

В кулак собраться на ладони
И вспомнить, выстроившись в ряд,
О тех сороке и вороне,
Что в небе яростно парят.

Панкреатит

Под ложечкой больного мира
Весна пылает нестерпимо,
От ледяного аспирина
Никак зимой не становясь.
Похоже, будет приступ долог.
И мудрый гастроэнтеролог
Пропишет нам лечебный голод
И обязательную грязь.

Всё, как написано в рецепте:
Картошки нет в боекомплекте.
Плывёт мечтой о скором лете
По бруствер залитый окоп.
А мы в него пускаем корни,
И молодым побегом в горле
Крик, вопрошающий «Доколе?»,
Торчит из нас как эндоскоп.

Мариуполь

Орёт сиреною тревоги
Неумолкающий намаз.
Сжимает дым головногий
Горящий в щупальцах алмаз –

Так ярко наш завод чугунный
Пылает каменным углём.
А наступающие гунны,
Трещат и вспыхивают в нём.

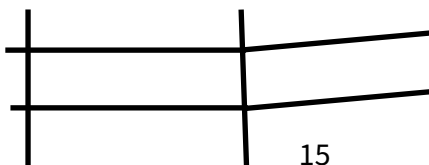
И между выстрелов столь быстро
Что, можно думать, ускользнёт,
Взмывает к небу словно искра
И гаснет в море вертолёт.

Солдат

Когда себе все листья в ноябре
Суицидально оборвали клёны,
Солдат ещё висел на фонаре,
Как будто был фонарь вечнозелёным.

Он вырос в одночасье на виду
У остальных, попрятавшихся дома.
И скрип его верёвки на ветру
Размерен как удары метронома.

Оставшихся навряд ли ждёт весна,
У фонаря другие дух и буква.
Вечнозелёным нам и смерть красна,
Сладка как подмороженная клюква.

Клаустрофобия

В комнатке моей, вырубленной в толще гранитных плит,
Нет ни двери, ни форточки, ни туалета с кухней.
Пусто в ней, только лампочка на проводке горит.
Значит, живой пока ещё. Если умру, потухнет.

Тронешь её — качается лампочка между стен,
Или же накреняется пол, и они в согласии
Катят планету с комнаткой в будущее — затем,
Чтобы узнать, как именно солнце для них погаснет.

Про кино

Под небом люди есть везде,
Но мёртвые всё чаще.
Бессмертны боги на звезде.
И на звезду смотрящий
За тонкий луч на звёздный гвоздь
Подвешен к небу глазом.
А значит, что бы не стряслось,
Он к вечности привязан.
Он от звезды бессмертья ждёт,
Хотя в небесном теле
Уже последний водород
Преобразован в гелий.
Но свет, испущенный давно,
Остался, и навряд ли
С живой звездой идёт кино
В ночном кинотеатре.

Спутник

На земле не видно цели,
Цель скрывается вдали.
Нужен спутник, еле-еле
Ночью видимый с Земли.

Он, как звёзды, не моргает,
Не смыкает ясный глаз,
Чётко целеполагает
И доводит цель до нас.

Дело нам уже за малым:
В штыковую и алле.
Но, глухи к его сигналам,
Мы давно лежим в земле.

И землёй полны глазницы,
И набит землёю рот,
А Земля на тонкой спице
Совершает оборот.

Комета

К нам через космос напрямик
Летит комета.
А значит, скоро нам кирдык.
И всё вот это.

Но и комету ту навряд
Ли вы спасёте,
Ведь мы идём на перехват,
Мы на подлёте.

Хотя, казалось, в небе звёзд
Неисчислимо,
Для всех прогноз мой так же прост:
Их ждёт кончина.

Считаешь, я не астроном?
Но без расчёта
Моя уверенность в одном:
Грущу я чё-то.

Стрёмный вечер

Какой-то вечер нынче стрёмный:

У солнца морда в синяках.

Ты говорила: «Вот, умрём мы...»

Да только что-то всё никак.

Да только молью в хлам побито

Едва прибитое висит

Светило наше на Авито

С уценкой за неважный вид.

А лучший вид — из нашей кухни,

Где таракан и даже клоп,

Все видят: скоро солнце рухнет

И разобьёт о землю лоб.

Тогда окажется, что грустно

Нам в чёрном зеркале окна.

И будет в кухне нашей люстра

На целый мир гореть одна.

ПРАЗДНИЧНОЕ

Пятничный монолог строителя

Давно пророков не рожали.
Но, если выпить, с полуслова
Без лишних ссылок на скрижали
Поймёшь архангела любого.

Сегодня буду Моисеем.
Ведь я, когда беру поллитру,
То часто делаюсь рассеян,
Как эти самые по миру.

Не дело в пятницу до ночи
Терпеть египетское рабство.
Я весь кирпич могу прикончить,
Как вольный каменщик, на раз-два.

А в три накроет Петропавловск
Уже совсем Шаббат и полночь,
Поймёт прораб, что всё пропало,
И не везёт ему Петрович,

К моей получке Мариванна
В окошке грудь придвинет близко
И станет вдруг обетованна
Тому, кто нынче богоизбран.

Баллада о стакане

Хотелось в детстве узнать, кем стану.

И вот он, я:

Моряк в отставке, тому стакану

Благодаря.

Да в этом детстве, ну кто что пил там?

Компот, кисель...

А я дождался воды со спиртом

И к ним присел.

Знакомству рад, мол. Не зря тут с вами

Стакан гранён.

Сжимаю сильно его за грани

(И то, что в нём),

И тут же залпом мне эта сила

В открытый рот.

И рот закрылся, а я красиво

Поплыл вперёд.

С тех пор мне было язык не трудно

Купать в спирту.

Сложился к цели ведущий судно

Компас во рту.

На мостик выйдешь: Ну что, куда мы

Идём, браток?

А он: К стакану прилечь губами

На ободок.

И, хоть я бросил — в стакане сухо,

Ношу с собой.

Его достанешь, приложишь к уху:

А там прибор!

Время колокольчиков

Как было в молодости голодно,
Как, избегая всяких дел,
Шатался праздно, словно колокол,
И пустотой внутри гудел.

Но, дефилируя над башнями
В чугунном платице простом,
Однажды прыгнул вниз бесстрашно и
Припал к земле разбитым ртом.

Теперь готов щербато лыбиться
Безух, безбашен, безъязык.
Земля — родная мать-кормилица,
Живот ей, кажется, впритык.

А если встретишь колокольчика —
Всю ночь гудящее дитя,
Не позавидуешь нисколечко,
С набитым ртом едва гундя.

Люди и паровозы

Отправленный ранней весной
На металлолом пароход
Обиженно таял вдали,
Как в прошлом оставшийся друг.
А лишний его капитан
Кряхтел, потирая рукой
Печати прощальный шлепок
На справке с другой стороны.

Отвальную тут же в кустах
Устроил и вскоре ползти
Готов был на всех четырёх
По шпалам из порта в барак.
Но если он вдруг машинист,
То где же тогда паровоз?
А если он вдруг паровоз,
То кто же тогда машинист?

Муза

Мыслей в голове грязь —
Трудно сосредоточиться.
Вот бы пришла уборщица,
Сразу бы убралась.

Опус мой со стола
Выкинула из комнаты,
Каждый листочек скомканный
С пола бы подняла.

Треснула промеж глаз
Шваброй меня, диванного,
И усадила заново
Переписать рассказ.

А для контроля качества
Встала над головой,
Вытерев мозг мне начисто
Тряпкою половой.

Какое солнечное утро ...

Какое солнечное утро!
Гремит за окнами парад.
А я не встал, я умер будто.
Но сны мои ещё парят.

Оставив тело в душной спальне
Не очень скорому врачу,
Я, помещённый в гроб хрустальный,
Над яркой площадью лечу.

Шеренг натянутые струны
И танков сдержанный аллюр.
Им шлют приветствия с трибуны,
Где в сером несколько фигур.

В честь Праздника Девятимая
Нам служат серые верхи.
И гроб мой взглядом обнимают,
И отпускают мне грехи.

Март 2022

Когда случился каминг-аут,
Глаза полезли из орбит.
И все отлично понимают,
Что им за это прилетит.

Но улюлюканья и свиста
Едва доносит сладкий звук,
Портки эксгибициониста
Малы становятся нам вдруг.

Луна и солнце с небесами
Уже готовятся упасть.
И охреневший зритель замер
Дивясь на то, как не боясь
Мы забрались на подоконник,
Спустив последние штаны.

Кто в глубине души покойник,
Тому живые не страшны.

Поэмка о монетке

Лоботрясы и лоботряски!
Трясогузы и трясогузки!
Простите за слог дурацкий,
И что говорю по-русски.

Хочется утереться,
Высморгать ОРВИ
И выразить наконец-то
Мнение о любви.

Есть же ещё она где-то,
Нашей любви монета?

Раньше ведь как: в металле
Выданные на сдачу
Звякали, доставали.
Только их всех потрачу,
А у метро припрёт в туалет,
Хватишься: мелочи нет.

Но есть ещё она где-то,
Нашей любви монета!

В среднем орёл и решка
Всем выпадают поровну.
Я бы любил не мешкая
Выпавшую мне сторону.

Дядину или тётину —
Не разберёшься к ночи.
Только люблю я родину,
А вот людей — не очень.

Но недоброжелатели
Родину всю растратили,
Осталась нужда, но это
Комплекс какой-то матери
Или отца.

То была монета
Старого образца
Выпуска моего года,
Вышедшая из обихода
Мечта нумизмата.

Но вы-то, ребята,
Уже в неведомом далеке
За линией горизонта,
На самом на передке
Любовного фронта.

И тесный круг ваш,
Тешусь надеждой,
И есть тот кругляш —
Денежка страсти нежной.

А мою такую круглую гладкую
И не найти, потеряна.
Разве что в брюхо, как за подкладку,
Завалилась теперь она.
И где-то возле пупка
В самой глуби
Ноет чутка
От этой любви.
И чем больше мне лет,
Тем чаще хочется, хочется в туалет.

Жалостливая

Вот бы кто-то пышногрудый
К пышноте меня прижал.
Где вы, Лёли, Лены, Люды?
Никому меня не жаль.

Я бы, сам себя жалея,
Завернулся как вопрос,
Но в ответ не гнётся шея —
В шее остеохондроз.

К мозгоправу и подавно
Не прорвёшься на приём,
Ведь у каждого есть травма,
Что ни в сказке, ни пером.

Можно плакаться валетом
Друг у друга на груди,
Каждый как цветок при этом,
Каждый пчёлку ждёт, поди.

Ведь имеется у пчёлки
Жалко бедного меня.
И к тому же пчёлочек сколько!
Остальное всё фигня.

Снится баба...

Снится баба, баба в перьях,
Грудь свою наперевес
Мне в лицо сосками вперив,
Как заряженный обрез.

А сама-то, будь здорова,
Телесами не стара!
Бьёт в десятку от крутого
Как у бройлера бедра.

И таких девчонок стая
Поднимает адский грай
И теснится, заступая
Путь мою дорожку в рай.

Но настырен к ним идущий.
Не пойму я, то ли дух
Так стремится к райским кущам,
То ли к курицам петух.

Разобраться я бессилен,
Хоть уже давно не юн.
И не скажут правды Сирин,
Алконост и Гамаюн.

Урожай

Когда лежишь в канаве как во гробе,
Когда башка болящая пуста,
В неё приходит слово «гонобобель»
И над канавой вид его куста.

Глядишь, а сверху образ голубики.
Светило поднимается над ним
И ягодок темнеющие лики
В сиянии приобретают нимб.

В пустом ведре, в твоём Святом Граале,
Напрасно шаришь, так и не поняв,
Что ягоды, они тебя собрали.
И вот уже ты в лучшей из канав.

По весне в лесу запах гнили...

По весне в лесу запах гнили.
Черный снег куском жжёной плоти.
Это та, кого мы убили,
И никто того не был против.

Вся толпа была сопричастна.
Острый кол загнав прямо в тело,
На костер несли: Гориясно!
Уходи, зима, надоела!

Нам родня пока мстить не стала,
Хоть и ясен пень, кто убийца.
Впереди ещё три квартала,
Ни к чему родне торопиться.

Дорога бесится и скачет...

Дорога бесится и скачет,
Виляя радостно хвостом.
А я по ней к чертям собачьим
Трясусь в осиннике густом.

Торчат патлатые осины,
Ветвями переплетены,
Как у давно немытой псины
Свалявшиеся колтуны.

В такой дороге я как дома —
Моя блошиная душа
Весь день подпрыгивать готова,
Выделявая антраша.

И пусть колдобины всё чаще,
Пускай идёт уже вразнос
Блоху безбашенную мчащий
Неасфальтированный пёс.

Корова

Я вернулся в полвторого,
Повалился на живот,
И приснилась мне корова,
Что жуёт меня, жуёт.

То заглотит глубоко,
То отрыгивает снова.
Отпусти меня, корова,
Горьким будет молоко.

И корова согласилась,
Что, испорченный давно,
Я совсем уже не силос
И, конечно, не вино.

Просыпаюсь я с утра
Пережёванным и старым,
И несёт не перегаром,
А кефиром изо рта.

ОЩУЩЕНИЕ

Лысина

С утра я чувствую над лысиной
Небесный ток,
Как будто вверх из камня высекли
Огромный шток.

Там, где затылок, переносица
И два виска,
Он вырастает и уносится
За облака.

И звёзды кружатся, нанизаны
На эту ось.
А я застыл, ведь утром снизу мне
Застыть пришлось.

Одно движение неверное
Внутри ума,
И следом тронется вселенная
Умом сама.

Так неподвижно и безмысленно
Торча в зенит,
Моя потеющая лысина
Всех нас хранит.

Мстинский мост

Марине Евсеевой

Едва на полку с мешком залезем,
Матрац раскатим,
Так сразу станет наш путь железен,
Вагон плацкартен.

И как проходом он вдоль разрезан,
Так мы и спорим,
Ведь в окнах слева все едут лесом,
А справа — полем.

Вагоном нашим брезент пространства
И тот распорот.
И я раздвоен, разбит заразным
Вагонным спором.

Кричу: «Ну хватит, ругаться бросьте.
Глядите, вона!
Щас брызнет в окнах река в подмостье
Из-под вагона».

И речка сможет, под мост продета,
Войти и выйти,
У рваной раны куски брезента
Сшивая нитью.

Челнок по глади мелькает быстро:
Во мне заплата.
И я над речкой не то забрызган,
Не то заплакан.

Лампочка Ильича

ГОЭЛРО самолично помнящая
Лампа в сердце перегорит.
И приедет на скорой помощи
С чемоданчиком айболит.

Прямо с Волховской гидростанции
Провода ко мне подведут,
И разряд, и начну мотаться я,
Словно лампочка на ветру.

Так и в детстве до электричества:
Ночью выйдешь, а светлячки
В танце дергаются мистическом —
Нерождённые лампочки.

И, как маленькому, мне здорово
Улепётывать от врача
По туннелю, в конце которого
Светит Лампочка Ильича.

Светлой памяти велосипеда «Орлёнок»

Мы решили с горки учить Орлёнка,
Что и он способен летать как птица.
А когда разгонишься, надо только
Отпустить педали и в руль вцепиться.

Потому что слева кусты и яма,
А направо сразу бултых и в речку.
Но не ветер дует в лицо мне прямо,
А несётся будущее навстречу.

И так много счастья готов принять я,
И с такою силой трещит футболка,
Что я руль бросаю, раскрыв объятья,
Забывая сразу, что надо только...

Борщевик

Тёмен август быстротечный.
Звёзды в небе чирк да чирк.
Загадай желание! Мечты
Пусть растут как борщевик,

Пятернёю зонтик тянут,
Ночь пытается проткнуть,
Словно древние титаны
Задевая Млечный путь.

Ну а я под ними снизу
Тут, на цыпочки привстав.
Но зато во мраке сизом
Ясно вижу между трав
С неба в приступе падучей
Соскользнувшую звезду.

В борщевик залезу жгучий.
Подберу. И подрасту.

План

По сторонам пейзаж неброский:

Лежит замёрзшая вода.

Стоит мужик на перекрёстке,

Не собираясь никуда.

Лучом блуждающего взгляда

Он безнадёжно тычет вдаль.

Но далеко ему не надо,

А рядом он уже видал.

А с неба, если делать фотку,

То сразу видно, что он прям

По центру в план булавкой воткнут.

Как будто есть какой-то план.

Маша и Петя

Маша и Петя выходят в полуденный двор.
Солнцем ошпаренный двор ослепительно гол.
Справа лежит, уходя к горизонту, газон.
Слева стеной за газоном встаёт горизонт.
Стартовый стол сервирован и к пуску готов.
Двое направлены в небо как стрелки часов.
Три, два, один, дальше ноль, и, зажмурившись: Пуск!
Глаз приоткроешь, а двор ослепительно пуст.

Дача

Земли моей намоленный квадрат,
В который драгоценною иконой
Я вставлен как в серебряный оклад
И глиной по периметру окован.

Я проповедью жизни обращён
В единственную истинную землю,
Где сам себе прожжённым кирпичом
Казался я по недоразумению.

Мой образ будет глиняным теперь,
Невидимым на глиняной иконе,
Которая как глиняная дверь
Невидимая в глиняном проёме.

Мысли о предательстве

Торчат регулярные точки
Домов, между ними тире:
Далёкого леса кусочки
Кроваво горят на заре.

Там загород как заграница.
Пора доставать пулемёт,
За город свой до смерти биться,
Но города сердце неймёт.

Мне чудится мир несказанный,
Где палки и ёлки цветут.
Меж ёлок сидят партизаны,
Копают землянки. И тут,

Нарушив привычный порядок,
К ним выйду я, мелко дрожа,
Почувствовав между лопаток
Надёжное дуло ружья.

А чтобы нутро не болело,
И жизнь показалась легка,
Дадут мне кусочек расстрела
И каши со дна котелка.

И каши горелой за-ради,
Ещё и расстрелянный там,
Я город мой, сжатый в блокаде,
Без лишних сомнений предам.

Про войну

Пригнувшийся к болоту лес
В него стволами пушек врос,
А солнце, выхватив обрез,
Не глядя, лупит меж берёз,
И птичьи крики с высоты
Летят, и взрывами кусты –
Наверх и врозь.

Пора окститься и тикать,
Но мы лишь падаем на мох,
И мха колышима гать
Под нами ходит – выдох-вдох, –
И в шею тычется, дрожа,
Комарик лезвием ножа:
Он взял врасплох

И жалит с тыла, наугад,
Нас, точно слившихся в бою,
Где я, непризванный солдат,
Тебя, как битву, познаю
В разбуженном березняке,
До боли руку сжав в руке
В моей твою.

Канал Грибоедова

Вначале были море и болото,
И дух Петра носился над водою,
Которая селянкой молодою
Не знала ни моста, ни даже брода.

Но ботику в затопленном пейзаже
Для пристани понадобился берег.
Каналом безымянный прежде ерик
Назвался и другою жизнью зажил.

Земля была разрыта и намыта
И камнем облицована искусно.
И жизнь, идя в сияющее русло,
Себя не представляет без гранита.

Но между фейерверком и парадом
На палубе прогулочного бота
Окажется, что море и болото
Всё время оставались где-то рядом.

И, двигаясь в гранитном коридоре,
Мостами и причалами не скроешь,
Что всё происходящее — всего лишь
Болото, вытекающее в море.

«Я не ищу гармонии в природе...»

Н. А. Заболоцкий

На болоте

Если чувствую в бессильи,
Что не встану никогда,
Вспоминаю, как в трясине
Зарождается вода.

Из раскрытых глаз болота,
От его замшелых щёк
В каплях слёз и каплях пота
Вытекает ручеёк.

Он блуждает между кочек
На геройства не готов,
Но старается и точит
Путь наружу через торф.

Прозревая, как с другими
Становясь в реке един,
Он огромные турбины
Крутит, неостановим.

И, хотя в болотной топи
Безнадёжен тайный труд,
Нам оттуда свет в итоге
Провода к домам ведут.

Катальная горка

Попался шофёр жизнестойкий.
Как ни был, казалось бы, плох,
Но, видя колёса у койки
В количестве до четырёх,

Тот час перешёл из нейтралки,
Последние силы напруг
И сразу влетел на каталке
В Ораниенбаумский парк.

Встречает героя аллея,
А там, за аллеей — дворец
И небо. И он, голубея,
Сливается с ним наконец.

Из калининградского цикла

Стучит сирень тебе в оконце,
Ритмично бьётся как прибой.
А под сиренью спят тевтонцы,
Сжимая землю над собой.

Герои тысячи историй,
Давно погибшие в бою,
Они приплыли из-за моря,
Облюбовав сирень твою.

Тогда казалось этим людям:
Земля за морем хороша.
Теперь же там, где все мы будем,
Сирень качается, шурша.

И с нами также, как и с теми
Случится то же, что должно,
Но вместо вянущей сирени
Жасмин попросится в окно.

Армения

В гравийно-песчаном карьере,
В котором когда-то елозил,
Спасаться пытался по вере,
Оставленный все бульдозер.

Исчез, от кого он зависел,
Пред кем раболепствовал в страхе.
Скушает заправленный дизель,
Висят в ожидании траки.

В кабине теперь не усесться:
На месте от бульдозериста
Комок человеческого сердца
Остался лежать неказисто.

Хозяин в отвалах окрестных
Промасленный ватник отбросил
И вряд ли когда-то воскреснет.
Зато это может бульдозер.

Спичка

Ты гори, моя спичка. От серого льда земли
Забирайся по тонкой щепочке, а потом
На прощание пальцы застывшие обними,
И я стану чуть легче, согретый твоим теплом.

И мне станет чуть легче подняться, чтобы вздуть
Языками пламени руки в холодный мрак,
Чтобы спичкой тянуться к небу и, чуя смерть,
Согревать горизонту край, как живой маяк.

И, хотя в коробке от спичек мир плоск и пуст,
И к утру догорю я, но мой освещая прах,
На востоке распустится неопалимый куст
Продолжением спички, горящей в моих руках.

«Станочек, мой станочек, о чем поёшь...»

Песня

Станочек

Меж рёбер узкие прорехи.
За ними виден старый цех.
Надежды маленький штрейкбрехер
Опять работает за всех.

Уже давно сбоит устало
Его ленд-лизровский станок,
А нереальный план по валу
Недосягаемо высок.

И высока кругом ограда.
На проходной два паренька.
Они обучены, как надо
Заточкой бить наверняка

В пространство узкое меж рёбер.
Туда, где падающий с ног
Штрейкбрехер мой ещё не помер,
И потому стучит станок.

Елизавета

Королева не молода
И устала. А с нею в зале
Шумных родственничков орда
В фотографию не влезает.

И, наверное, ощутив,
Что подглядывают за ними,
Королева сквозь объектив
Нам в заклёпанный алюминий

Посылает монарший взгляд,
Успокаивая в болтанке.
Где с журнальчиками сидят
Наши будущие останки.

Сводит судорогою рот
Еле сдерживаемый ужас.
А трясущийся самолёт,
Основательно поднатужась,

Ищет место на полосе.
Дружно ахают пассажиры,
А потом рукоплещут все,
Понимая, что живы, живы.

Что пока ещё не финал,
Будут рейсы, где эстафетой
Люди схватятся за журнал
Со старушкой Елизаветой.

Комарово

Если кто и стоит напротив Ахматовой в Комарово,
Так это Валентин Войно-Ясенецкий.

Он же Лука, Архиепископ Крымский,
Несчастный зек, лауреат Сталинской премии,
Начальник всесибирских госпиталей,
Оставивший четверых детей в Ташкенте
И труды по анестезиологии и хирургии.

Ахматова читает ему Реквием и спрашивает:

«Ну как там ваши в Узбекистане?»,

А он ей:

«Послушайте лучше мои Очерки гнойной хирургии».

Мартышкино

У моря горка. Сверху кирха.
Над ней ветра поют псалмы.
А на погосте снизу тихо,
И там друг к другу жмёмся мы,
Как три японских обезьяны
В ингерманландской бузине,
Ушами, пастью и глазами
Пытаясь дать отпор зиме.
Но снегопад нисходит свыше,
Пушистым ластиком шурша,
И вслед за финнами мартышек
Легко стирает с чертежа,
Оставив горку, кирху, бурю,
А сверху коротко слова:
«Мартышкино, по-фински Тюрё».
Но ветру хватит для псалма.

Четыре тетрарха

На уголке стены от страха
Теснясь по двое, дважды два —
Четыре маленьких тетрарха,
Обнявшись, держатся едва.

Давно их выкрали из дома,
Где каждый вырос как тетрарх,
Где, было время, мама Рома
Качала деток на руках.

На нежных щёчках так же розов
Неувядающий порфир,
И так же полнится угрозой
Несправедливый взрослый мир.

Но, несмотря на ход столетий,
И долгой жизни вопреки,
Они стоят — всё те же дети,
Сжимая детские клинки.

Дороги Смоленщины

Вряд ли когда-нибудь братья Качиньские
Встретятся вновь на дорогах Смоленщины,
Разве что облако в небе над Ка'тыню
Свяжет двух братьев живого и мертвого.
Ведь проплывающий облачный Туполев
Запросто выполнит рейс беспосадочный
Прямо в небесную Речь Посполитую –
Братскую унию польско-литовскую.

Река

Те слова, что копили впрок,
Изрекая, на волю пустим.
Речка, спутанная в клубок,
Распрямляется перед устьем.

Всё разборчивей речь воды,
И, как в зеркале, в ней всё чаще
Отражаемся я и ты,
Настигая поток журчащий.

Всё вернее звучат слова,
Если их говорить красиво.
Как же наша река права
От истока и до залива.

Почему же тогда другим,
Говорливым таким, на зависть
Мы все медленней говорим,
С тишиной наконец сливаясь?

Буксир

Ах, как хорошо, что опять загудел вдалеке
Знакомый буксир, к нам сюда забираясь по Клязьме.
Ведь в прошлом году, уезжая, соседка клялась мне,
Что вниз по реке он в последний раз мимо прошёл
И стал на приколе, цепляясь за ржавые сваи.
Но вот я сижу на веранде, а он выплывает!
И всё хорошо.

НЕИЗБЕЖНОЕ	3
Военная осень	4
Прогулка	5
Боголюбово	6
Бирштонас	7
Аритмия	8
Оранжевый фонарик	9
Прощание	10
Мышиный король	11
Сорока-ворона кашу варила	12
Панкреатит	13
Мариуполь	14
Солдат	15
Клаустрофобия	16
Про кино	17
Спутник	18
Комета	19
Стрёмный вечер	20
ПРАЗДНИЧНОЕ	21
Пятничный монолог строителя	22
Баллада о стакане	23
Время колокольчиков	24
Люди и паровозы	25
Муза	26
Какое солнечное утро...	27
Март 2022	28
Поэмка о монетке	29
Жалостливая	32
Снится баба...	33

Урожай	34
По весне в лесу запах гнили...	35
Дорога бесится и скачет...	36
Корова	37
ОЩУЩЕНИЕ	38
Лысина	39
Мстинский мост	40
Лампочка Ильича	41
Светлой памяти велосипеда «Орлёнок»	42
Борщевик	43
План	44
Маша и Петя	45
Дача	46
Мысли о предательстве	47
Про войну	48
Канал Грибоедова	49
На болоте	50
Катальная горка	51
Из калининградского цикла	52
Армения	53
Спичка	54
Станочек	55
Елизавета	56
Комарово	57
Мартышкино	58
Четыре тетрарха	59
Дороги Смоленщины	60
Река	61
Буксир	62

Литературно-художественное издание

Андрей Сенов

ОЩУЩЕНИЕ БЛИЗКОГО ПРАЗДНИКА

Дизайн обложки и верстка: *Е. Кирьянова*

Подписано в печать 30.01.2025. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 4,1. Тираж 200 экз. Печать офсетная.
Заказ № 016.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru

Биография Андрея Сенова малопримечательна: родился и вырос. Замечательны люди, которые сделали возможным появление этой книги. Те, кто ругал, учил, показывал пример, терпел, прощал и любил. Спасибо вам, дорогие!

ISBN 978-5-00256-037-0

9 785002 560370 >